DOI: 10.17976/jpps/2014.03.06

НОВАЯ РОССИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Ю.С. Оганисьян

Аннотация. Автор анализирует перемены в России и мире, происшедшие после распада СССР и мировой социалистической системы. Рассматриваются следующие проблемы: социально-политические последствия окончания холодной войны; становление нового миропорядка, роль в этом процессе России и США; формирование сетевых структур как одной из основ современного мироустройства; особенности российской идентичности, взятые во внутриполитическом и международном контекстах.

Ключевые слова: сверхдержавы, конфронтация, перемены, сетевое общество, миропорядок.

В XX в. революционные события в России дважды взламывали существовавший миропорядок. Крах царской империи в 1917 г. и последовавшие преобразования положили начало принципиально новой форме мироустройства, которая до конца столетия определялась борьбой двух противоположных социальных систем. На пороге XXI столетия развал СССР и мировой социалистической системы вновь радикально изменил социально-политическую картину мира. Каким образом? Какое место занимает в ней наша страна? Какую роль Россия играет в обновлении миропорядка? Не станет ли эпохальным событием для нее и всего мира крымский кризис, получивший поистине глобальный политический резонанс?

ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ХАОСУ

За последнюю четверть века Россия радикально обновилась. В социальном плане – реставрирован какой-никакой капитализм. В политическом отношении – на смену тоталитаризму пришла демократия, пусть и отмеченная существенными изъянами, но вполне сопоставимая с демократией западной, впрочем, также далеко не безупречной [см. Оганисьян 2013]. Отношения РФ с другими государствами, в том числе с бывшими противниками, стали базироваться на принципах партнерства и сотрудничества.

Круто изменился и окружающий Россию мир. Он продолжает меняться. В каком направлении? Становится ли он более спокойным и безопасным? Военно-политическая конфронтация сверхдержав отошла в прошлое. Безусловно, ракетно-ядерная угроза отодвинулась. Открылись новые возможности для демократизации миропорядка. Но явственно обозначился и иной вектор перемен. Деформация прежнего мироустройства создала атмосферу хаоса на мировой арене. Распалось системное противоречие, определявшее социально-политическую структуру мира. Но оно не просто исчезло, а расщепилось на множество несистемных, зачастую более острых и трудно разрешаемых противоречий (между отдельными странами и регионами, этническими группами, конфессиональными общностями и т.д.), которые ранее подавлялись и сдерживались сверхдержавами и стоящими за ними

ОГАНИСЬЯН Юлий Степанович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Для связи с автором: nsocial@mail.ru

международными военно-политическими, пропагандистскими и иными структурами в соответствующих сферах своего влияния. В обширную зону социально-политической нестабильности превратились отдельные регионы России, ряд бывших советских республик, некоторые страны распавшегося "социалистического содружества".

В ходе этих перемен, несомненно, расширилась мировая система капитализма за счет распада противоположной ей социальной системы. Каким образом и в каких формах вписались новые социообразования в социально-политическое пространство капитализма? Стало ли оно в результате зоной мира и благополучия? Очевидно одно: значительно увеличилась ее лимитрофная периферия. Между тем развал мировой соцсистемы открывал перед капитализмом возможности более высокого порядка. Он получил исторический шанс доказать свою жизнеспособность и взять на себя всю полноту социальной ответственности перед человечеством. Каким образом капитал ответил на вызовы времени? Французские исследователи современного капитализма Л. Болтански и Э. Кьяпелло отмечают, что появившиеся на глобальном уровне новые источники и формы извлечения прибыли позволили капитализму проигнорировать предъявляемые ему требования справедливости, в результате чего ослабление механизмов самоограничения капитализма стимулирует возникновение "потенциально смертоносных кризисов" [Болтански, Кьяпелло 2011: 24].

В условиях глобального мира капитализм не уменьшает число реальных и потенциальных рисков и угроз для цивилизации, более того, к ним добавляются новые, такие как увеличение разрыва между богатыми и бедными странами, перенаселенность Земли, региональные конфликты, опасность распространения ядерного, биологического, химического и других видов оружия массового уничтожения, возобновление гонки вооружений на основе более развитых технологий, экологические катастрофы, международный терроризм и организованная преступность. По мнению американского философа, неомарксиста, основателя школы "мир-системного анализа" И. Валлерстайна, капитализм приводит к "моральному коллапсу", к формированию системы ценностей и норм, которые обеспечивают извлечение прибыли, но отнюдь не воспроизводство "общества" в целом, поскольку капиталистическая рыночная система мотивируется социальным эгоизмом и алчностью [Валлерстайн 2004: 67].

Увеличение ареала действия этой системы сопровождается маргинализацией целых регионов, таящей в себе угрозу цепной реакции социальных взрывов и, в конечном счете, дестабилизацией мирового порядка. Предвестие крупных катаклизмов – возникновение зон неустойчивости (Балканы, Афганистан, Кавказ, Арабский Восток, Украина и т.д.), оказывающих разлагающее влияние на сопредельные регионы и негативно воздействующих на международную ситуацию – экспортом терроризма, религиозного фундаментализма, контрабандного оружия, наркотиков. Конфронтация переросла в отношения, именуемые сегодня "партнерскими", которые, как оказалось, сохранили немалый конфликтогенный потенциал. Так, попытка реализации выдвинутой ЕС программы "Восточного партнерства" на Украине обострила до взрывоопасного состояния социально-политическую ситуацию в стране и отделение от нее Крыма, воссоединившегося в марте 2014 г. с Россией.

Измененные применительно к особенностям нынешней ситуации формы и методы внешнего влияния на саму Россию стимулируют формирование в ней зависимого капитализма. Ныне РФ – не сверхдержава. Ее влияние на мировую политику резко сократилось. От дальнейшего ослабления позиций страны на мировой арене спасают два фактора: ракетно-ядерный потенциал и сырьевые ресурсы. Надолго ли хватит действия данных факторов? Это прежде всего зависит от эффективности противодействия попыткам извне стимулировать процессы экономического и социально-политического разложения российского государства. Судя по откровениям Зб. Бжезинского, конечная цель этих попыток – распад России на несколько вассальных государств, после чего поставленные вопросы утратили бы всякий смысл. "Россия, – пишет он, – побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить 'это была не Россия, Советский Союз' – значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой" [Бжезинский 2012].

В 1990-е годы партнерство во взаимодействии с компрадорским капиталом и олигархическим режимом едва не привело к распаду страны. Окрыленные ельцинским призывом "берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить", сепаратисты российских автономий вовсю использовали открывшиеся перед ними возможности, добиваясь создания национальных вооруженных сил, полиции, таможенных служб. Конституции автономий значительно ограничили власть федерального центра. Заключенные с ним договоры расширили их властные полномочия едва ли не до пределов, за которыми возникает государственная независимость. Выдвигались проекты создания Дальневосточной, Сибирской, Уральской и других республик, возбудились сепаратисты во многих регионах. Вертикальные и горизонтальные связи федеративного устройства России распадались, утрачивая всякий порядок. Гражданские войны и разгул терроризма на Северном Кавказе завершают картину разложения российского федерализма, страну охватил хаос. Казалось, страна катится в тартары (от древнегреческого "Тартар", представленный одной из школ античной философии как бездна полного небытия, из которой нет возврата).

Свертывание холодной войны оздоровило идеологическую обстановку на мировой арене, убавило остроту информационных и психологических баталий в международных отношениях. Но освободившиеся идеологические ниши не замедлили заполнить политические течения, враждебные демократии, проповедующие национализм, шовинизм, расизм и иные формы идеологии тоталитарной направленности.

По справедливому замечанию В.В. Путина, распад СССР означал "геополитическую катастрофу". Это так или иначе признают и западные аналитики. Французский политик Ж. Мартине писал: "Распад СССР явился тяжелым испытанием для французской дипломатии и поставил под удар всю послевоенную систему международных отношений" [Мартине 2006: 102-103].

Хаос в античной философии представлялся не только в виде преисподней, из которой нет выхода, но и выступал в качестве первоначала, порождающего и упорядочивающего новые миры. Пока еще трудно сказать, в каком мире нам

предстоит жить в обозримом будущем. Сегодня же отчетливо проявляется тенденция к формированию мироустройства, пронизанного обезличенными, асоциальными рыночными связями. Сетевые структуры этих связей прививают чуждое всякой морали поведение субъектов мировой политики, кем бы они ни были: правительствами, международными корпорациями, политическими движениями, наркокартелями, что неизбежно ведет к разрушению нормативных ценностей цивилизации, к криминализации экономики и политики, когда не нравственные императивы, а только условия и обстоятельства принимаются во внимание.

Сетевая матрица перемен

Реконструкция прежнего миропорядка неотделима от процесса глобализации, который, по М. Кастельсу, формирует "новое сетевое общество". Оно развивается спонтанно, отмечает испанский социолог, в процессе взаимодействия многих социальных групп и отдельных людей. В зависимости от рассматриваемого типа сети, это биржевые рынки и их вспомогательные центры в глобальных финансовых потоках; национальные правительства и международные органы управления в Евросоюзе; телевизионные каналы и пресса, которые создают, передают и получают сигналы в глобальной сети; финансовые учреждения по отмыванию денег в сети торговли наркотиками, которая проникает в экономику, общества и государства всего мира [Castells 2001: 53-54].

Глобализация образует всемирную сетевую матрицу, которая представляет собой многослойную, мобильную, эластичную структуру, приспосабливающую социально-политические перемены к своим ячейкам. Перемены в свою очередь воздействуют на нее, заставляя изменяться в соответствии с требованиями мирового развития. Такая обратная связь упорядочивает и организует происходящие в мире трансформации в устойчивый процесс. Социальная составляющая этого процесса также обретает сетевые формы, возникающие на основе коммуникативных средств – Интернете, логистике и т.п., образуется новое глобально-информационное общество, управление которым, по словам философа А.П. Кочеткова, "станет осуществляться на основе постепенно формирующегося нового политического режима – нетократизма" [Кочетков 2013: 118]. Мировая финансовая олигархия обретает новую, чрезвычайно эффективную форму глобальной власти – нетократию.

Проблему становления нового миропорядка нельзя осмыслить без учета этих обстоятельств. Транслируя свои вызовы через сетевые каналы, глобализация запирает последние для ответов на них со стороны обществ и государств, в которых преобладают социальные отношения, складывавшиеся в традиционных формах человеческого бытия и чуждые сетевому миру. Глобализация ставит под сомнение самую возможность устроения миропорядка, адекватного сетевому обществу, что связано с систематическим разобщением понятий местного и глобального для социальных групп и отдельного человека.

Постиндустриальная эпоха с ее беспрецедентными технологическими достижениями породила серьезные проблемы, эффективные способы решения которых пока не найдены. Усиливается социальная поляризация в мировом масштабе. Не следует забывать, что в условиях социалистического общества живет примерно четверть населения земного шара. Причем, как показывает

опыт Вьетнама и Китая, социализм оказался вполне совместим с рыночной экономикой. Во многих странах продолжают действовать коммунистические партии. Влияние социализма ощутимо в идеологических ориентациях массовых движений, охвативших многие районы мира, в социальных установках революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Мировой экономический кризис стимулировал антикапиталистические протесты в развитых странах Северной Америки и Европы. Что идеологически направляет эти движения? Коммунизм? Анархизм? Антиглобализм? В современном дискурсе трудно найти вразумительные ответы. Зато вполне определились причины интернационализации социального протеста.

Дело прежде всего в объективных законах капитализма, которые обуславливают развитие господствующих в мировой экономике государств продолжением эксплуатации населения и природных ресурсов остального мира. Под воздействием этих законов углубляются социальные противоречия на мировой арене, которые образуют собственную сетевую структуру. Она включает противоречия между бедными и богатыми странами, между финансово-промышленной плутократией и массами угнетенных и обездоленных во всем мире.

Глобальная зона нищеты значительно расширилась за счет большинства постсоветских республик, включая, с некоторыми оговорками, Российскую Федерацию. Убежденный марксист скажет, что сам механизм процесса глобализации порождает социально-классовый антагонизм. И возможно, он будет прав. Глобализация происходит под эгидой международной финансовой олигархии, которая стремится сохранить контроль над мировыми природными и трудовыми ресурсами. Применение силы превратилось в возможный, а с точки зрения лидеров США и стран НАТО, в единственно эффективный метод поддержания мирового порядка и международной стабильности. Поскольку грань между внутренними и межгосударственными конфликтами все более стирается, а гражданские войны приобретают международный резонанс через сетевые СМИ, на смену холодной войне пришла не демократическая гармония нового миропорядка, а драматическая действительность необъявленных войн и "миротворческих" или "гуманитарных" интервенций.

Все это открывает дорогу репрессивной политике как предпочтительному для мировой финансовой элиты способу решения возникающих проблем. И не только. Наблюдается тенденция к созданию на основе сетевой матрицы централизованной схемы управления миром, к тому, что нацисты называли "новым мировым порядком", а коммунисты связывали с победой "мировой революции".

Тема мирового господства вновь становится предметом дискурса. Кто сегодня может олицетворять повелителя мира? Едва ли каким-то образом реинкарнированные фюрер или "Дядюшка Джо". Не верится, что и "дядя Сэм", слишком обремененный традициями американской демократии. Да и не на них указывает технократический вектор глобализации. Продленный в отдаленное будущее, он очерчивает систему господства внеличностную, аполитичную, деидеологизированную. Речь может идти о сгущении сетевой матрицы перемен в некую биологически очеловеченную микросхему, которая и станет заправлять миропорядком. Сегодня, замечают отечественные теоретики, во втором десятилетия XXI в., можно с достаточной степенью уверенности сказать: "*Мы обитаем в технологиях, технологии обитают в нас*"

[см. Алексеева 2013: 12]. Бешеные темпы развития микро- и нано- биотехнологий, быть может, уместит подходящий гаджет и в одну молекулу, которая и станет заведовать всемирно упорядоченным социумом – "человейником" (по А.И. Зиновьеву). Пока же мировая гегемония находит традиционные и до некоторой степени уже испытанные формы реализации.

PAX AMERICANA

Итак, поиски новых форм демократизации миропорядка пока что не привели к ощутимым результатам. На месте двухполюсной системы международных отношений возникла пирамида, основанная на могуществе одного центра силы и единственной сверхдержавы в лице США. К чему это ведет? Американский аналитик Каллео полагает, что стилизованный по-американски глобализм означает однополярный *Pax Americana*, а не диверсифицированный мир, где властью нужно делиться. Разрыв между фиксированным однополярным воображением и растущими плюралистическими тенденциями в реальном мире представляет собой постоянно углубляющуюся опасность. Эта опасность проявляется в политической линии, которая противопоставляет Америку одновременно России, Китаю и даже Европе [Calleo 2009: 12].

Сошлемся на фундаментальное исследование внешней политики США А.Н. Яковлева: "Стремление американской буржуазии к владычеству над миром не пустая фраза. Как показывает изучение американской внешней политики, монополисты США твердо уверовали в 'особую миссию' своей страны на земле, считают будущее мировое правительство под своей эгидой наилучшим решением всех спорных вопросов мировой политики. Средством же достижения такой цели они считают войну в качестве 'повивальной бабки', не имеющей себе конкурентов" [Яковлев 1967: 435].

Разумеется, это высказывание автора, ставшего впоследствии главным идеологом горбачевской перестройки, несет на себе печать своего времени, отражает его политические убеждения. Но независимо от этого, не прав ли он был по существу? Разве не Вашингтон выстраивает сегодня названную выше пирамиду?

Похоже, мир свыкается с тем, что в обозримом будущем доминирование США в той или иной форме сохранится. К такому прогнозу склоняются даже аналитики, не испытывающие особых симпатий к США. Китайский специалист по проблемам международной безопасности Децюань Чжай, формулируя "взгляд из Китая" на миропорядок, пишет, что "мировой порядок в XXI в., особенно в ближайшие два-три десятилетия, будет все более приобретать черты многополярности с сохранением за США статуса единственной сверхдержавы" [Децюань 2013: 109].

Возникает вопрос: не угрожает ли миру новый проект мирового господства, на этот раз под названием "*Pax Americana*"? Актуальна ли в социально-политическом смысле эта проблема? Вполне. По словам американского политолога Р. Райта, обновленный мир может явить "жуткий вариант" миропорядка: "Порядок этот складывается отчасти благодаря многонациональным корпорациям и кругосветным финансистам, которые заправляют МакМиром. Они присягнули не какой-нибудь стране, а исключительно барышу и внедрили свои ценности в такие наднациональные организации, как Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация, щупальца которых грозят

медленно опутать, а затем раздавить всякую национальную независимость" [Wright 2000: 210]. Перед нами действительно "новый, новый жуткий мир", если несколько подправить название известного романа О. Хаксли.

Это, разумеется, еще не аргумент для постановки проблемы. Таковым, несомненно с известными оговорками, может служить исторический прецедент. В XX в. были предприняты попытки реализации двух идеологически разнородных проектов реорганизации миропорядка: нацистский и коммунистический. Первый из них намечал введение нового мирового порядка под главенством Третьего рейха. Второй предполагал всемирную победу социализма.

Оба проекта, как известно, провалились. Очередной сулит всемирное торжество принципов американской демократии. Рассчитывая на равноправное сотрудничество в целях демократической перестройки мира, новая Россия пошла на значительные военно-политические и иные уступки бывшему противнику. Видимо, напрасно. Американская администрация восприняла проявление доброй воли России с корыстным прагматизмом *победителя* — как свидетельство слабости новоявленного партнера, потерпевшего поражение в холодной войне. Всякая попытка защитить свои права и интересы на международной арене способами, не совпадающими с этой оценкой, вызывает крайнее раздражение у США и их союзников, немедленно отвечающих на нее залпом антироссийских санкций. Именно это и случилось в очередной раз после признания Москвой права народов Крыма на самоопределение.

Объективности ради надо признать, что *Pax Americana* обретается не только в виртуальном пространстве, но и в реальной действительности. Это, конечно, не Соединенные Штаты Мира со столицей в Вашингтоне. Это мир, формируемый сетевыми структурами, системообразующие цепи которых – экономические, военные, геополитические, технологические, информационные – контролируются Соединенными Штатами.

Относительно новый элемент этих структур составляют курируемые США "цепные революции". Антисоветский переворот в 1991 г. в СССР явился первым звеном в серии государственных переворотов, которая затем протянулась на Ближний Восток, Северную Африку, ряд бывших советских республик. Последнее по времени, но не по значимости звено в этой цепи – государственный переворот в феврале 2014 г. на Украине. Он произошел при явном и непосредственном участии высокопоставленных американских дипломатов и при весьма вероятном скрытом содействии спецслужб США. Так же как и в ряде других подобных случаев, здесь социальный протест масс вылился в анархический бунт, возглавленный совершенно чуждыми демократии силами. Очередная цепная революция обострила геополитическую ситуацию в Европе, осложнив отношения России и США, НАТО и ЕС.

Возникает вопрос: способна ли вообще одна держава, пусть и сверхвлиятельная, взять на себя и, главное, реализовать ответственность за устранение раздирающих мир социальных и прочих противоречий, за установление на планете цивилизованного миропорядка? Упомянутые исторические прецеденты дают отрицательный ответ. Способность выиграть холодную войну отнюдь не равнозначна возможности выиграть мир, демократически его обустроить.

Даже при относительно высокой степени упорядоченности распавшегося биполярного миропорядка он все же держался не на взаимном доверии, а на вынужденном взаимодействии государств противоположных социальных

систем. Это выражалось в согласованных решениях проблем балансирования на грани войны. Альтернативные варианты, предполагавшие, что у сверхдержав могут быть более значимые, более гуманные цели, чем поддержание межблокового баланса сил, гасились логикой социального противоборства. Они отвергались лидерами США как иллюзорные и несбыточные. В самом деле, как можно доверять "империи зла"? Но почему же не доверять постсоветской России? А потому, рассуждают в Вашингтоне, что империя ушла, а "зло" осталось. Антисоветизм быстро переплавился в русофобию, имеющую на Западе прочные исторические традиции.

К ПРОБЛЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Еще в XVI в. немецкий авантюрист Генрих фон Штаден, служивший опричником у Ивана Грозного, описывал "московитов" как людей полудиких, "нехристей", предлагая германскому и шведскому монархам проекты колонизации России [Штаден 1925].

Спустя три века другой классик русофобии маркиз де Кюстин, путешествовавший в XIX в. по России, резюмируя свои впечатления об "этой пустыне без покоя, этой тюрьме без отдыха", писал, что по мнению его "очень умных и наблюдательных" знакомцев, участь ее состоит в том, чтобы "завоевать Восток и затем распасться на части" [Кюстин 1990].

Запад никогда не принимал и не принимает идентификацию России в качестве цивилизованной державы. Всякие попытки сблизится с ним, наладить добрососедское сотрудничество никогда не приводили к успеху. Почему? "Смешны эти оправдания мудрой как змий Европы – ее незнанием, наивностью и легковерием, точно будто об институтке дело идет, – писал в XIX в. Н.Я. Данилевский. – Европа не знает, потому что не хочет знать; или лучше сказать знает так, как хочет, – т.е., как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению... Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в Славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что` не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды... Все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации..." [Данилевский 2002: 66-68].

Что изменилось в отношении Запада к России за прошедшие сто с лишним лет? Стала ли новая, некоммунистическая, демократическая Россия ближе к западному, капиталистическому миру в целом? Конечно, многое изменилось. Но в сознании правящих элит Запада сохранился синдром неприятия несуразного, по их убеждению, феномена России – гигантского геополитического "монстра", которого просто не способен освоить западный мир, ибо Россия "лишняя" (Зб. Бжезинский), вообще "не страна, а "автозаправка" (сенатор Дж. Маккейн). Она никак не умещается в устроенный по либерально-демократическим стандартам миропорядок.

Либеральная мысль Запада не столь однозначно представляет современную Россию. Идентификация ею России двойственна, амбивалентна: перед нами янусоподобный образ страны, один лик которого выражает зло, дьявольское начало, другой – начало благолепное, привлекательное. С одной стороны, она воспринимается как великая культурная держава, исторически связанная

с европейской цивилизацией, а с другой – как держава агрессивная, враждебная западной демократии.

Беда в том, что когда индентификаторами выступают политические лидеры Запада, Россия обычно видится им в другой, демонической ипостаси. Похоже, в их сознании укоренился синдром ампутированной ноги: ноги нет, а она все еще болит. Это фантомный страх перед фантомным противником, сохранившийся со времен холодной войны.

Велика ли беда? Невелика, но вполне осязаема. Во-первых, страх и недоверие все еще во многом ориентируют реальную политику Запада в отношении России. И с этим приходится считаться. Во-вторых, и в самой России находится немало идеологов и политиков, заимствующих скроенную за рубежом модель российской идентичности, либо самостийно создающих из былых страхов и комплексов фантомный образ врага. И это тоже нельзя не учитывать.

Глобализация опрокинула мир прямых смыслов и адекватных идентичностей, сформированных в специфических условиях отдельных государств. Возник кризис национальной идентичности, который, по словам политолога С. Кортунова, для ряда государств "приобрел такие формы и масштабы, что его преодоление для многих из них уже не только означает выбор адекватной конкурентноспособной стратегии развития, но и превратилось в вопрос выживания" [Кортунов 2007: 109].

В новых условиях гражданские общества размываются и дробятся на разнородные идентичности, поскольку исчезает неразрывность связи между логикой власти в условиях глобального сетевого мира и логикой формирования и влияния специфических обществ и культур. Отмечая это, М. Кастельс пишет: "В современную эпоху, характеризующуюся широкой деструктуризацией общественных организаций, делегитимацией политических учреждений, исчезновением прежних социальных движений и самобытных культур, поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания новых социальных структур" [Castells 2001: 53].

В России все эти последствия глобализации наслоились на катастрофические для общества процессы распада прежних систем социального устройства, государственности, идеологии, нравственности. В такой обстановке прежние идентичности сменились на симулякры и фикции, выступающие под видом новых идентичностей. Это закономерно для радикального переустройства общества, когда характер текущих изменений приобретает кризисность, бифуркационность, поток событий прерывается внезапными катаклизмами, когда ломаются привычные уклады жизни, когда реформы дают результаты, обратные задуманным. Социум погружается в эзотерический омут, где перемешаны тайное с явным, подлинное с мнимым, где реальные вещи и явления неотличимы от их имитаций, от их ложных либо искаженных идентичностей.

В современной России, к примеру, открытая, легитимная экономика столь тесно переплетена с подпольной, незаконной, что их почти невозможно отличить друг от друга. Какую же из них идентифицировать как национальную? А крупный бизнес? Чтобы он обрел российскую идентичность, стал отличимым от зарубежного, его стали определять как "дикий" или "бандитский". Отечественная идентичность демократии также корректируется, выступая в виде демократии "суверенной" или "либеральной". Наши партии – вообще непонятно что такое. Хотя их идентичность в качестве политических

организаций и удостоверена Минюстом, большинство из них в действительности представлено случайными группировками, объединенными частными интересами. Налицо контрафакты, подобные вещам с ярлыками известных европейских брендов, которые изготавливаются мигрантами в подпольных цехах. Видимо, на политическом рынке России есть спрос на идентичности и их суррогаты. Кто же делает бизнес на этом рынке?

Сперва о либералах. По их убеждению, Россия была и остается врагом западной демократии. Глумливое "совок" (плод антисоветского блудомыслия) стало обозначать все то, что делает ущербной и российскую идентичность в целом. Но если не "совок", то что же? Разумеется, демократия, скроенная по западной модели. Но ведь сами апологеты этой модели утверждают, что она непригодна для реализации в современной России, что для этого страну следует разделить на отдельные независимые государства. Возникает дилемма: либо великая держава, либо произвольная совокупность разделенных государственными границами стран. Она не поддается паллиативному решению. Тут либо – либо. Какой выбор сделает российское общество? Вопрос риторический.

Теперь о тех фигурантах политического рынка, которых Президент В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию в декабре 2013 г. назвал "так называемыми русскими националистами"[1]. Для них, как и для либералов, неприемлем не только советский строй, но и нынешний "россианский" режим, который неизбежно рухнет, когда, по словам В.Н. Севостьянова, "его антирусская сущность станет окончательно всем ясна, а ценности национализма приживутся в массах, перейдут из разряда инстинкта и эмоций в разряд само собой разумеющихся идеологем" [Севостьянов 2006: 23].

Какое будущее реально сулит России этот проект? Самое мрачное. Этнический национализм русских окутан негативными коннотациями. "Не только за рубежом, но и в нашей стране, – пишет известный социолог Л.М. Дробижева, – национализм русских чаще всего воспринимается как шовинизм – стремление доминирующего народа осуществить свои интересы за счет гегемонистских устремлений и дискриминации других этнических общностей" [Дробижева 2013: 98]. Предсказанная выше националистическая революция неизбежно стимулирует национализм малых наций, региональный сепаратизм, чреватый угрозой распада Российской Федерации. "Россия для русских" в лучшем случае окажется аморфным государственным образованием в границах Московского княжества, не исключено, что под управлением "инородцев". По сути националисты обозначают в связи с российской идентичностью ту же дилемму, что и либералы. Утешает утопизм проекта: его реализация немыслима в стране, где веками тесно сосуществовали на одной территории сотни этносов с дисперсно рассеянной государствообразующей русской нацией, чуждой этническому национализму.

В советском прошлом наш человек понимался как выражение универсальной сущности социального бытия народов, в чем усматривался исток его всемирного влияния. Соответственно советский народ представлялся в качестве знаменосца, ведущего человечество к всеобщему счастью, а советское государство – как орудие осуществления этой всемирно-исторической

[1] Путин В.В. 2012. Россия: национальный вопрос. – *Независимая газета*, 23.01.

миссии. Очевидно, что эти идентификации без труда, самым естественным образом коррелируются с мессианистскими определениями имперских времен – русские – народ-богоносец, российское государство – Третий Рим, – отвечают мысли В.С. Соловьева о том, что "вопрос о смысле существования России во всемирной истории" является важнейшим для русского человека [Соловьев 1989: 219]. Тем легче большевикам было переориентировать сознание и психологию общества в постмонархической России на свои идеологические догмы и символы, превратить их в органические компоненты советской идентичности. И тем трудней для постсоветского режима оказалось привить обществу доморощенную идеологию неолиберализма, чуждую историческим традициям России.

ПОСТИМПЕРСКИЙ СИНДРОМ

Прошлое ныне идеологически востребовано. Какое именно прошлое? По-видимому, то, которое сохраняет и подтверждает преемственность в социально-историческом процессе, – несущую конструкцию всякого устойчивого, жизнеспособного мировоззрения. Искомое живет в духовной жизни российского общества – имперская идея, которая за несколько столетий существования империи неотторжимо вросла в национальное бытие народа. "Имперское сознание, – пишет политолог И. Яковенко, – вошло в плоть общества, пронизало собой все уровни культуры, отпечаталось в массовой психологии... Для людей традиционного склада, сложившихся в рамках имперского бытия, империя – целый космос, способ жизни, система мировидения и мирочувствования. Именно этот космос им ограничен, другого они не знают и не принимают. Традиционный человек склонен воспринимать устойчивое как вечное и неизменное. Тем более что о вечности и нерушимости СССР ему говорила государственная идеология. С этих позиций распад империи – случайность, противоестественное течение событий, результат заговора враждебных сил, нашедших себе опору внутри 'нашего' общества" [Яковенко 2005: 65, 66].

Своеобразие России – и имперской, и советской – своеобразие существенное, во всяком случае, в контексте поставленной проблемы, – состоит в том, что многие века основой ее политического порядка была самодержавная верховная власть – тип государственности, благодаря которой она стала органической целостностью, ее огромные пространства не фактором обособления отдельных регионов и дезинтеграции, а фундаментом централизованной империи, которая, в отличие от большинства других империй (кроме Австро-Венгерской), существовало на единой, не разделенной морями территории. Разнородные этнонациональные, конфессиональные, культурные и иные образования, нередко конфликтовавшие между собой, находившиеся на разных уровнях развития, ограниченные в возможностях общения с внешним миром, объективно нуждались в имперском патернализме.

В.И. Ленин, бескомпромиссно боровшийся с великодержавным шовинизмом, возглавив советское государство, стал проводить фактически имперскую политику, прикрытую лозунгами пролетарского интернационализма. Тем самым вождь мирового пролетариата, его соратники и последователи сумели сохранить великую державу – Советский Союз, который, по словам Е.Т. Гайдара, "был территориально интегрированной империей, одной из мировых сверхдержав" [Гайдар 2006: 12].

Большевизм явился единственной реальной политической силой, способной восстановить целостность державы и обеспечить ее имперское могущество, хотя и ценой, которая не поддается немистифицированному "классовым подходом" нравственному оправданию, и в формах, несовместимых с "абстрактным" гуманизмом.

От дореволюционной истории неотрывны десятилетия советской власти, вызвавшие радикальное преобразование традиционных укладов российской жизни и породившие новые традиции совместного бытия, противодействие которым может оказаться столь же пагубным для России, как и былой отказ от ее "предыстории" до октября 1917 г. Философ И.К. Пантин вполне обоснованно утверждает, что Октябрьская революция "не только встряхнула, подняла к исторической деятельности глубинные слои народа России, веками остававшимися забитыми и угнетенными, но и стала для нашей страны прологом современности" [Пантин 2013; 131].

Этатистская ориентация, постимперский синдром и сегодня остаются подкорковыми доминантами политического сознания подавляющего большинства населения постсоветской России. По генетической укорененности они сопоставимы с поведенческими инстинктами первобытного "дологического мышления". Заведомо бесперспективны попытки решать проблему преемственности в истории России без учета роли этатистских традиций. Идея сильной государственности была и остается главной образующей массового сознания. Она и будет продуктивно осуществляться в процессе развития России, если, конечно, к власти вновь не придут слабые умом и характером политические лидеры.

В России имперская идея наиболее близка националистам. Но и либералам она не совсем чужда. Для А.Б. Чубайса, например, вполне приемлема "либеральная империя". Влияние постимперского синдрома особенно ощутимо на постсоветском пространстве за пределами России. Здесь у значительной части правящих элит он обращается в навязчивую идею, порой переходящую в манию преследования, которая внушает им панический страх перед угрозой реставрации советской империи. Например, незадолго до выборов в РФ 2008 г. эстонский политик, бывший посол в Москве Март Хельме заявлял: "Сегодняшняя Россия – это растущий монстр, какого мир в своей истории еще не видел. Этот монстр расправит плечи в 2008 г. после президентских выборов. И тогда мы увидим, какое чудовище выползает из ворот Кремля" [цит. по: Известия 2007, 31.01].

Пронизанные экстремизмом русофобские заявления характерны для украинских националистов. Они прозвучали после государственного переворота в феврале 2014 г., когда их представители, прорвавшиеся к власти, стали требовать лишения гражданства этнических русских, едва ли не тотального запрета на употребление русского языка, введение визового режима с Россией. Иного от них нельзя и ожидать. Они заявляют, что у независимой Украины есть только один реальный внешний враг – это стремящееся к ликвидации украинской независимости соседнее российское государство.

Возможна ли индоктринизация имперской идеи в государственную идеологию, каковая, похоже, формируется в России?[2] Едва ли дело пойдет дальше

[2] Заметим, кстати, что история знает случаи, когда такие архетипы обращались в идеологемы, используемые авантюристами при основании квазиимперий, таких как Вторая империя Наполеона III во Франции середины XIX в. или Центральноафриканская империя Бакассы II 1970-х годов XX в.

официальной символики и геральдики, умозрительных упражнений историософов и химерических видений романтиков империи. Крымский вопрос, однако, актуализировал постимперский синдром. Российский формат его решения всполошил общественно-политическую жизнь в России и на международной арене. Здесь взрыв патриотизма, там вспышка русофобии. В России празднуют торжество исторической справедливости. На Западе клеймят "аннексионистскую политику" Москвы. Пропагандистская конфронтация по ожесточенности – как обычно, отчасти, симулятивной – напоминает времена холодной войны. Идут лихорадочные поиски примет тоталитаризма в России. Страну травят санкциями и угрозами международной изоляции. Кто виноват? Что делать?

Нет смысла искать политически внятных ответов на эти сакраментальные вопросы. Важнее осмыслить другое. Россию четверть века испытывали на суверенность. В смутные 1990-е годы ее пытались развалить, загнать на задворки мировой политики. Она выстояла. Ее позиция в крымском вопросе со всей очевидностью доказала это.

В реальной политике правят бал не санкции и пропаганда. В ней действует презумпция свершившегося факта. Крымский вопрос разрешен, судя по всему, обратный ход невозможен. Это не значит, что он исчерпан. Он породил новые, по-видимому, более сложные и долговременные проблемы, решение которых и определит значение крымского кризиса в российской истории. В международном плане это – нормализация отношений с западными странами, стабилизация геополитической обстановки в Европе, а в конечном счете – утверждение России в роли независимого, равноправного субъекта мировой политики. Способна ли она ответить на эти вызовы времени? В отличие от СССР, сегодня Россия не может претендовать на роль сверхдержавы. Имперская идея отжила свой век. Сами условия исторического бытия России, однако, объективно ставят ее в ряд мировых держав. Многие ее интересы по-прежнему имеют глобальные измерения. Значение же интересов региональных, прежде всего на постсоветском пространстве, для России не только не падает, а, напротив, возрастает. Их защита на том и другом уровнях, цель не просто политическая – она экзистенциальна. От достижения ее напрямую зависит будущее России как державы, достойной своего великого прошлого.

Алексеева И.Ю., Аршинов В.И. Чеклецов В.В. 2013. "Технолюди" против "постлюдей": НБИКС-революция и будущее человечества. – *Вопросы философии*, № 3, с. 12-21.

Бжезинский Зб. 2012. *Збигнев Бжезинский о России*. Доступ: http://pandoraopen.ru/2012-06-04/44029 (проверено: 04.04.2014).

Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение. 979 с.

Валлерстайн И. 2004. *Конец знакомого мира: Социология XXI в.* М.: Логос. 368 с.

Гайдар Е.Т. 2006. *Гибель империи. Уроки для современной России*. М.: РОССПЭН. 448 с.

Данилевский Н.Я. 2002. *Россия и Европа*. М.: Древнее и современное. 550 с.

Децюань Ч. 2013. Мировой порядок в XXI веке: взгляд из Китая. – *МЭиМО*, № 6, с. 102-106.

Дробижева Л.М. 2013. *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет*. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.

Кортунов С. 2007. Глобализация и национальная идентичность. – *Вестник аналитики*, № 1, с. 109-123.

Кочетков А.П. 2013. Нетократизм. – *Полис. Политические исследования*, № 4, с. 111-121.

Кюстин А. де. 1990. *Николаевская Россия*. М.: Политиздат. 350 с.

Мартине Ж. 2006. Франция – Россия: непростой диалог. – *МЭиМО*, № 8, с. 102-104.

Оганисьян Ю.С. 2013. Социализм как первая стадия капитализма. – *Полис. Политические исследования*, № 3, с. 30-46.

Пантин И.К. 2013. К вопросу о характере Октябрьской революции. – *Полис. Политические исследования*, № 6, с. 131-144.

Севостьянов А.Н. 2006. *"Россия – для русских!" Третья сила: русский национализм на авансцене истории*. М.: Книжный мир. 600 с.

Соловьев В.С. 1989. *Сочинение в двух томах*. Т. 2. М.: Правда. 736 с.

Штаден Г. фон. 1925. *О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника*. Л. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых. 184 с.

Яковенко И. 2005. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности. – *Вестник Европы*, № 16.

Яковлев А.Н. 1967. *Идеология американской "империи"*. М.: Мысль. 463 с.

References

Castells M. 2001. *La era de la información: economia, sociedad y cultura*. Vol. 1. La Sociedad Red. Madrid: Alianza Editorial. 646 p.

Castells M. 2001. *La era de la información: economia, sociedad y cultura*. Vol. 2. El poder de la identidad. Madrid: Alianza Editorial. 495 p.

Wright R. 2000. *The Logic of Human Destiny*. N.Y.: Pantheon Books. 435 p.

Alekseyeva I.Yu., Arshinov V.I., Chekletsov V.V. "Techno-humans" against "Post-humans": NBIKS Revolution and the Future of Humanity. – *Voprosy filosofii*, 2013, no. 3. p. 12-21. (In Russ.)

Brzeziński Zb. about Russia. (In Russ.) URL: http://pandoraopen.ru/2012-06-04/44029 (accessed: 04.04.2014).

Boltanski L., Chiapello E. *The New Spirit of Capitalism* (Russian version). Moscow: New Literary Observer, 2011. 979 p.

Wallerstein I. *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century* (Russian version). Moscow: Logos, 2004. 368 p.

Gaydar E.T. *Gibel imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii Fall of the Empire* [Lessons for Modern Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 448 p.

Danilevskiy N.Ya. *Russia and Europe*. Moscow: The Ancient and Modern Publ., 2002. 550 c.

Detsyuan Ch. World Order in the Twenty-first Century: a View from China. – *World Economy and International Relations*, 2013, no. 6, p. 102-106. (In Russ.)

Drobizheva L.M. *Etnichnost v sotsialno-politicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. The experience of 20 years]. Moscow: Novyy khronograf, 2013. 336 p.

Kortunov S. Globalization and National Identity. – *Vestnik analitiki*, 2007, no. 1, p. 109-123. (In Russ.)

Kochetkov A.P. Netokratism. – *Polis. Political Studies*, 2013, no. 4, p. 111-121. (In Russ.)

Custine de A. *Nikolayevskaya Rossiya* [Russia of Nikolai]. Moscow: M.: Politizdat, 1990. 350 p.

Martine J. France-Russia: an uneasy dialogue. – *World Economy and International Relations*, 2006, no. 8, pp. 102-104. (In Russ.)

Oganisyan Yu.C. Socialism as the First Stage of Capitalism. – *Polis. Political Studies*, 2013, no. 3, p. 30-46. (In Russ.)

Pantin I.K. On the Character of the October Revolution. – *Polis. Political Studies*, 2013, no. 6, p. 131-144. (In Russ.)

Sevostyanov A.N. *"Rossiya – dlya russkikh!". Tretya sila: russkiy natsionalizm na avanstsene istorii* ["Russia – for Russians!" The Third Power: Russian Nationalism in the Foreground of History]. M.: The Book World Publ., 2006. 600 p.

Solovyev V.C. *Sochineniye v dvukh tomakh*. T. 2 [Essay in two volumes. Vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989. 736 p.

Staden H. von. *O Moskve Ivana Groznogo. Zapiski nemtsa-oprichnika* [About Moscow of Ivan the Terrible. Notes of a German guardsmen]. Leningrad-Moscow: Izdaniye M. i S. Sabashnikovykh, 1925. 184 c.

Yakovenko I. Ukraine and Russia: Correlation Plots. – *Vestnik Yevropy*, vol. XVI, 2005 (In Russ.)

Yakovlev A.N. *Ideologiya amerikanskoy "imperii"* [The Ideology of American "Empire"]. Moscow: Mysl, 1967. 463 p.

DOI: 10.17976/jpps/2014.03.06

NEW RUSSIA IN CHANGING WORLD: SOCIO-POLITICAL PERSPECTIVE

Yu.S. OGANISYAN

Abstract. The author analyses the changes in Russia and in the world which happened after the fall of the Soviet Union and world system of socialism. The following problems are examined. Social and political consequences of the Cold War end. The formation of the New World Order, Russian and American part in this process. The formation of the Network structure as one of the foundations of the World Order. The peculiarities of Russian identity considered and taken from domestic and international contexts. Political meaning and value of the Crimean crisis.

Keywords: superpower, confrontation, Russian identity, changes, the Network society, the World Order.

OGANISYAN Yuly Stepanovich, Dr. Sci. (Hist.), Prof., leading researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Email: nsocial@mail.ru